

УДК 94:316.344.24:316.334.55(476.2+470+477)«193»

СОЦИАЛЬНО-ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ СОСТАВ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ БЕЛОРУССКО-РОССИЙСКО-УКРАИНСКОГО ПОГРАНИЧЬЯ НАКАНУНЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

М. И. СТАРОВОЙТОВ¹⁾

¹⁾Гомельский государственный университет им. Франциска Скорины,
ул. Советская, 104, 246019, г. Гомель, Беларусь

Комплексно рассмотрены оригинальные архивные материалы переписи 1939 г. и проанализированы социальная структура и профессиональный состав сельского населения белорусско-российско-украинского пограничного региона, развитие которого по «стратегическим соображениям» не являлось приоритетным в планах советской мобилизационной модернизации. Выделены основные причины и этапы формирования гендерного дисбаланса, показана динамика численности сельского населения региона. Отмечено, что среди жителей села преобладали титульные этносы и более половины составляли женщины. Историко-сравнительный анализ позволил установить ряд специфических особенностей социально-профессиональной структуры сельского населения белорусской части пограничья, на чем акцентируется особое внимание в статье. Доля титульного этноса среди специалистов, работников просвещения, сферы услуг, представителей новых профессий, связанных с обслуживанием техники и механизмов, планово-учетной, селекционной работой, профессиональной деятельностью, требовавшей высокой квалификации и образования, в белорусских областях была ниже по сравнению с российскими и украинскими. Сделан вывод, что техническая и социокультурная модернизация в сельском хозяйстве на белорусской территории проходила медленнее, чем в соседних областях пограничья, о чем свидетельствует социально-профессиональный облик ее сельского населения накануне Второй мировой войны, которая прервала этот прогрессивный процесс.

Ключевые слова: сельское население; социальная структура; профессиональный состав; белорусско-российско-украинское пограничье; динамика численности населения; гендерный дисбаланс; модернизация; колхозники; рабочие; служащие; кулаки; крестьяне-единоличники; специалисты; руководители; занятые в сельском хозяйстве; распределение населения по источникам средств существования; белорусская специфика.

САЦЫЯЛЬНА-ПРАФЕСІЙНЫ СКЛАД СЕЛЬСКАГА НАСЕЛЬНІЦТВА БЕЛАРУСКА-РАСІЙСКА-ЎКРАЇНСКАГА ПАМЕЖЖА НАПЯРЭДАДНІ ДРУГОЙ СУСВЕТНАЙ ВАЙНЫ

М. І. СТАРОВОЙТАЎ^{1*}

^{1*}Гомельскі дзяржаўны ўніверсітэт імя Францыска Скарыны,
вул. Савецкая, 104, 246019, г. Гомель, Беларусь

Комплексна разгледжаны арыгінальныя архіўныя матэрыялы перапісу 1939 г. і прааналізаваны сацыяльная структура і прафесійны склад сельскага насельніцтва беларуска-расійска-ўкраінскага памежнага рэгіёна, развіццё якога па «стратэгічных меркаваннях» не з’яўлялася прыярытэтным у планах савецкай мабілізацыйнай мадэрнізацыі.

Образец цитирования:

Старовойтов МИ. Социально-профессиональный состав сельского населения белорусско-российско-украинского пограничья накануне Второй мировой войны. *Журнал Белорусского государственного университета. История.* 2020;1:47–61.
<https://doi.org/10.33581/2520-6338-2020-1-47-61>.

For citation:

Starovoitov MI. Socio-professional structure of the Belarusian-Russian-Ukrainian border area rural population on the eve of the Second World War. *Journal of the Belarusian State University. History.* 2020;1:47–61. Russian.
<https://doi.org/10.33581/2520-6338-2020-1-47-61>.

Автор:

Михаил Иванович Старовойтов – кандидат исторических наук, доцент; доцент кафедры истории Беларуси исторического факультета.

Author:

Mikhail I. Starovoitov, PhD (history), docent; associate professor at the department of history of Belarus, faculty of history.
starmihail24@mail.ru

Выделены асноўныя прычыны і этапы фарміравання гендарнага дысбалансу, паказана дынаміка колькасці сельскага насельніцтва рэгіёна. Адзначана, што сярод жыхароў сяла пераважалі тытульныя этнасы і больш за палову складалі жанчыны. Гісторыка-параўнальны аналіз дазволіў устанавіць шэраг спецыфічных асаблівасцей сацыяльна-прафесійнай структуры сельскага насельніцтва беларускай часткі памежжа, на чым акцэнтуюцца асаблівая ўвага ў артыкуле. Доля тытульнага этнасу сярод спецыялістаў, работнікаў асветы, сферы паслуг, прадстаўнікоў новых прафесій, звязаных з абслугоўваннем тэхнікі і механізмаў, планава-ўліковай, селекцыйнай працы, прафесійнай дзейнасцю, якая патрабавала высокай кваліфікацыі і адукацыі, у беларускіх абласцях была ніжэйшай у параўнанні з расійскімі і ўкраінскімі. Зроблена выснова, што тэхнічная і сацыяльна-культурная мадэрнізацыя ў сельскай гаспадарцы на беларускай тэрыторыі праходзіла больш павольна, чым у суседніх абласцях памежжа, пра што сведчыць сацыяльна-прафесійнае аблічча яе сельскага насельніцтва напярэдадні Другой сусветнай вайны, якая перапыніла гэты прагрэсіўны працэс.

Ключавыя словы: сельскае насельніцтва; сацыяльная структура; прафесійны склад; беларуска-расійска-ўкраінскае памежжа; дынаміка колькасці насельніцтва; гендарны дысбаланс; мадэрнізацыя; калгаснікі; рабочыя; служачыя; саматужнікі; сяляне-аднаасобнікі; спецыялісты; кіраўнікі; занятыя ў сельскай гаспадарцы; размеркаванне насельніцтва па крыніцах сродкаў існавання; беларуская спецыфіка.

SOCIO-PROFESSIONAL STRUCTURE OF THE BELARUSIAN-RUSSIAN-UKRAINIAN BORDER AREA RURAL POPULATION ON THE EVE OF THE SECOND WORLD WAR

M. I. STAROVOITOV^a

^aFrancisk Skorina Gomel State University, 104 Savieckaja Street, Homiel 246019, Belarus

The article comprehensively examines the original archival materials of the 1939 census and analyzes the social structure and professional composition of the rural population of the Belarusian-Russian-Ukrainian border region, the development of which for «strategic reasons» was not a priority in the plans of the Soviet mobilization modernization. It highlights main reasons and stages of gender imbalance development, changes in rural population of the region dynamics, in which the titular ethnic groups absolutely dominated and more than half were women. The historical and comparative analysis allowed us to establish a number of specific features of rural population socio-professional structure in the Belarusian part of the border region, which is emphasized in the article. The share of the titular ethnic group among specialists, education workers, service workers, new professions related to maintenance of machinery and mechanisms, planning and selection work, and professional activities requiring high qualifications and education was lower in the Belarusian regions compared to Russian and Ukrainian ones. The author concluded that technical and socio-cultural modernization in agriculture in Belarusian village took place more slowly than in neighboring border regions, as evidenced by the socio-professional appearance of its rural population on the eve of the Second World War, which interrupted this progressive process.

Keywords: rural population; social structure; professional composition; Belarusian-Russian-Ukrainian border area; population dynamics; gender imbalance; modernization; collective farmers; workers; employees; artisans; individual farmers; specialists; managers; engaged in agriculture; distribution of the population by sources of livelihood; Belarusian specifics.

Развал СССР, изменение геополитической ситуации в мире, глобализация резко актуализировали исследования региональной проблематики. В современном научном и политическом лексиконе понятие «регион» стало одним из ключевых. Признание и широкое применение научным сообществом регионального подхода в исторической ретроспективе подтвердил и Международный комитет исторических наук на всемирном историческом конгрессе в Осло (август 2000 г.) [1, с. 6]. Есть основание считать такие исследования новым научным направлением, позволяющим найти решение многих социально-политических, экономических и духовных проблем, порожденных XX в.

Особое место занимает сложный и дискуссионный период 1920–30-х гг., когда в составе на-

селения союзных республик и регионов произошли существенные демографические, социальные, культурные (прежде всего в уровне грамотности и образования) и национальные изменения. Цель данной статьи – установить социально-профессиональный облик сельского населения белорусско-российско-украинского пограничья (БРУП) в конце 1930-х гг., с помощью компаративистского метода выявить специфику белорусской его части. Непременным атрибутом любой региональной структуры, в том числе и БРУП, выступают границы, а связующим звеном между границами и регионами являются пограничья. Белорусская территория БРУП – это практически вся БССР. Российская и украинская составляющие хотя и представляли значительно меньшие части РСФСР и УССР, но по

площади и численности жителей каждая в отдельности примерно равнялась БССР (название областей дано по административному делению конца 1930-х гг.). Это, а также историческая, этнокультурная, религиозная общность, приблизительно одинаковые природно-географические условия проживания населения региона, который является центром сосредоточения восточных славян в Европе, дает основание для выделения БРУП в модель (конструкт) для компаративистского исследования. На наш взгляд, компаративистский анализ социально-профессионального состава как ключевого звена позволяет установить специфику и дать адекватную характеристику демографического и этносоциокультурного облика населения БССР и прежде всего ее титульного этноса. В отечественной и зарубежной историографии данная проблема в таком контексте не только не рассматривалась, но и не ставилась. Основываясь на рассекреченных архивных материалах переписи населения 1939 г., попытаемся восполнить этот пробел с учетом возможного объема публикации (таблицы составлены и подсчеты сделаны автором).

Отечественная историография представлена значительным количеством работ по истории белорусского крестьянства межвоенного периода. Большой вклад в изучение проблем аграрной истории указанного периода внесли М. А. Беспалая, М. П. Костюк, В. Н. Михнюк, А. Н. Сорокин, С. Н. Ходин и др. К новейшим исследованиям относится монография С. Н. Ходина. В ней автор особое внимание уделяет социальной психологии крестьянства, его традиционным институтам и повседневности, трансформация которых проходила под воздействием демографических процессов и политики советской власти [2]. В соответствующих разделах многотомных изданий по истории Беларуси лишь фрагментарно представлены данные о структуре сельского населения. Несмотря на имеющиеся значительные наработки, пока так и не издан третий том «Истории крестьянства Беларуси. С древних времен до 1996 г.», посвященный советскому периоду. Частично затрагиваются некоторые аспекты обозначенной нами темы в работах белорусского экономиста-демографа А. А. Ракова.

Отсутствует социально-профессиональная характеристика крестьянства и сельского населения и в украинской современной историографии – во втором томе «Истории украинского крестьянства» [3, с. 199–211], монографиях Б. Кравченко [4, с. 158–175], В. О. Романцова [5, с. 32–46]. В российской историографии исключение составляет монография исследовательницы В. Б. Жиромской, в которой использованы архивные материалы переписи 1939 г. и дана краткая характеристика социально-профессиональной структуры городского и сельского населения России конца 1930-х гг.

[6, с. 149–178]. Есть основание считать, что в белорусской и украинской историографии социально-профессиональный состав населения, в том числе и сельского, полностью не раскрыт из-за отсутствия в исследованиях многих авторов архивных документов переписи 1939 г., которые долгое время были засекречены.

Историю Беларуси нельзя понять, рассматривая ее только в категориях национального государства. Еще в 1928 г. М. Блок установил, что в многочисленных работах «авторы в массе своей не считают долгом интересоваться материалами, раскрывающими процессы, протекающие в регионах, прилегающих к ареалу их собственных исследований» [7, с. 28–29]. В 1970-е гг. российские историки М. А. Барг и Е. Б. Черняк предложили подход, согласно которому регион может быть «конструирован» как из сплошной территории, так и из «частей» более или менее удаленных друг от друга [8, с. 40]. И. Д. Ковальченко и Л. И. Бородин дополнили и конкретизировали широко применяемый метод типологизации – районирование. «Его суть состоит в выделении территориально единых совокупностей административных единиц, обладающих определенным сходством в природных условиях, историческом и экономическом развитии... других явлениях общественной жизни (демографических, культурных и т. д.)... будет решать проблему типизации только в том случае, если регионы будут объединять действительно внутренне однотипные единицы (уезды, губернии и т. п.)... Здесь необходим многомерный анализ, который будет учитывать все основные в рассматриваемом плане признаки объектов» [9, с. 59–60]. При многомерном анализе применяются информационные таблицы, высокую оценку которым дал Л. И. Бородин [10, с. 11]. Известный немецкий историк Ю. Кока отмечает: «Начиная с 60-х гг. большое распространение получила также сравнительная история или историческая компаративистика... Сравнение – это очень важный метод в исторической науке. Его называют “королевским путем” исторического познания» [11, с. 19]. Как видим, научная и практическая значимость исследования любого пограничного региона несомненна.

Экономические, социально-политические и культурные процессы 1920–30-х гг. оказали существенное влияние на социально-профессиональную ситуацию в СССР в целом, а также в союзных республиках и регионах (как в городе, так и на селе). К концу 1930-х гг. произошли количественные и качественные изменения в составе сельского населения, наиболее ощутимо подвергшегося советской социальной мобилизационной модернизации. Разнотипный характер развития экономики областей БРУП повлиял на динамику численности, демографические процессы и определил специфику

социально-профессиональной структуры сельского населения. К сельскому населению мы относим лиц, постоянно проживавших в сельской местности, а социальную стратификацию рассматриваем применительно ко всем сельским жителям и прежде всего к занятым в разных сферах народного хозяйства.

Не вдаваясь в дискуссию о генезисе, оценках и результатах модернизации, имеющей свои особенности для конкретного времени и конкретных государств, отметим авторскую позицию. Модернизация складывалась из двух аспектов. Первый – технический и технологический (или материальный). Второй – социально-профессиональный, культурный и моральный (обозначим его как социокультурный). Оба аспекта теснейшим образом связаны и взаимообусловлены исторически, психологически, политически и культурно. Материальная и социокультурная советская модернизация, имевшая мобилизационный характер, положила начало коренным, хотя и разнородным, изменениям в СССР, союзных республиках и регионах. Техничко-технологическая модернизация СССР была направлена на развитие оборонной промышленности и энергетики страны. Мощности союзного сельскохозяйственного машиностроения и автомобилестроения (в БРУП свое практически отсутствовало) не могли обеспечить потребности аграрного сектора экономики в соответствующей технике. Широкомасштабная социокультурная модернизация не в состоянии была решить задачу по обеспечению аграрного сектора экономики соответствующими кадрами. Низкий уровень механизации сельскохозяйственного труда, недостаток квалифицированных специалистов и управленцев, невысокий уровень грамотности и образования сельского населения являлись основными сдерживающими факторами модернизации аграрного сектора экономики. В статье речь идет о социально-профессиональном аспекте советской модернизации в регионе.

На основании архивных данных разработочных таблиц переписей 1939 и 1926 гг. применительно к территории областей, существовавших в конце 1930-х гг. (перечень областей см. в табл. 1), установлены изменения численности сельского населения пограничья. Прирост произошел только в Гомельской (104,9 %), Могилёвской (102,1 %) и Полесской (111,8 %) областях¹. В остальных областях БРУП уменьшение абсолютной численности сельского населения вызвало отрицательный прирост. По сравнению с 1926 г. в Витебской области он составил 90,2 %, в Орловской – 88,2 %, в Смолен-

ской – 81,9 %, в Житомирской – 91,2 %, в Киевской – 84,0 %, в Черниговской – 92,8 %².

На уменьшение численности сельского населения повлияли последствия Первой мировой войны, революционные события, польская интервенция и гражданская война, которые привели к сокращению количества мужчин определенных возрастов и спаду рождаемости. Разные показатели прироста или убыли населения обусловлены демографическими процессами, внутриобластной, внутриреспубликанской и общесоюзной миграцией в связи с индустриализацией и урбанизацией, репрессивной политикой по отношению к сельскому населению во время коллективизации, службой мужчин в Рабоче-крестьянской Красной армии (РККА) за пределами своих республик, высоким производственным и бытовым травматизмом со смертельным исходом у мужчин и др. Все это в разной степени затронуло сельское население БРУП, повлияло на его национальный состав, гендерный дисбаланс.

В белорусских областях региона в сельской местности проживало несколько меньше населения, чем в российских и украинских, где численность сельских жителей была в 1,5–2,0 раза больше. В Витебской области сельское население составляло 73,2 %, а белорусы – 91,3 %, в Гомельской – 72,1 и 91,7 % соответственно, в Могилёвской – 77,4 и 92,2 %, в Полесской – 88,8 и 88,9 %. В Орловской области насчитывалось 80,4 % сельских жителей и 98,8 % русских, в Смоленской – 83,3 и 98,1 %. В Житомирской области доля сельских жителей достигала 79,5 %, а украинцев – 84,2 %. На общий показатель количества сельского населения в Киевской области повлиял столичный город Киев: на селе проживало 65,1 % всего населения области (без учета Киева – 85,1 %), украинцев было 94,0 %. В Черниговской области в сельской местности жило 92,8 % населения, а украинцы составляли 94,5 %³. Эти две украинские области, как и две российские, были наиболее гомогенными. В связи с тем что сельское население российских областей БРУП на 99 % состояло из русских, не все показатели в национальном разрезе представлены в материалах переписи. Как видим, полиэтничными были все белорусские области пограничья. Наиболее высокой полиэтничностью отличалось сельское население Полесской и Житомирской областей. Кроме титульных этносов, здесь проживали русские, поляки, немцы, чехи, латыши и др. Национальный состав повлиял не только на общие показатели грамотности и образования сельского населения (подробнее см.: [12]), но и на показатели в национальном раз-

¹Рос. гос. арх. экономики (РГАЭ). Ф. 1562. Оп. 336. Д. 376. Л. 1 ; Д. 379. Л. 1 ; Д. 380. Л. 1.

²Там же. Д. 375. Л. 1 ; Д. 317. Л. 1 ; Д. 325. Л. 3 ; Д. 358. Л. 1 ; Д. 361. Л. 1 ; Д. 373. Л. 1.

³Там же. Д. 375. Л. 1, 6 ; Д. 376. Л. 1, 6 ; Д. 379. Л. 1, 6 ; Д. 380. Л. 1, 6 ; Д. 317. Л. 1, 6 ; Д. 325. Л. 3, 8 ; Д. 358. Л. 1, 6 ; Д. 361. Л. 1, 6 ; Д. 373. Л. 1, 6.

реже по целому ряду профессий, требующих специального образования, о чем будет сказано ниже.

Для адекватности оценки динамики численности сельского населения следует учитывать, что дисбаланс в соотношении полов был нарастающим: мужчин становилось меньше, чем женщин. На основании рассекреченных данных переписи населения 1939 г. применительно к существовавшему в то время областному делению (в территориальном разрезе 1926 г. по занимаемым площадям) установлена динамика численности и изменения в гендерном составе всего сельского населения БРУП в межпереписной период. Увеличение численности мужчин на 10–30 тыс. и женщин на 12–34 тыс. произошло в Могилёвской, Гомельской и Полесской областях (в порядке возрастания). Прирост сельского населения здесь составил 2,2–12,5 %. Наибольшее уменьшение численности отмечалось в Смоленской, Киевской и Орловской областях (в порядке убывания): мужчин – на 249–216 тыс., женщин – на 245–162 тыс. Несколько меньшая убыль наблюдалась в Житомирской, Черниговской и Витебской областях – на 76–53 тыс. мужчин и 54–49 тыс. женщин соответственно. Такое достаточно значительное сокращение численности мужского и женского населения в этих областях привело к тому, что сельское население здесь уменьшилось на 10–20 %⁴. И при положительной, и при отрицательной динамике численности мужчин и женщин во всех областях БРУП как в 1926 г., так и в 1939 г. имел место отрицательный баланс доли мужского населения. Разрыв в соотношении полов увеличился в пользу женщин. В белорусских областях он вырос на 0,1–0,4 %, в российских – на 0,8–1,3 %, в украинских – на 0,3–1,2 %. В 1920–30-е гг. женщины составляли 51–54 % сельского населения⁵. Дисбаланс полов начал складываться уже в 1920-е гг. и значительно вырос к концу 1930-х гг., что дает основание говорить о выраженной тенденции уменьшения доли мужчин в составе сельского населения, особенно у титульных этносов, абсолютное большинство которых проживало в сельской местности. В 1926 г. среди титульных этносов села мужчин в БССР было на 2,8 %

меньше, чем женщин⁶, в Западном районе РСФСР – на 5,4 % меньше⁷, а на примыкающих территориях украинского Полесья, Правобережья и Левобережья УССР – на 2,4⁸ и 4,0 %⁹ соответственно.

Во всех областях БРУП перепись 1939 г. зафиксировала **постоянный дисбаланс полов, начиная с возрастной группы 24–25 лет** (выделено нами. – М. С.). В последующих группах возрастной пирамиды мужчин всегда было меньше, чем женщин¹⁰.

Существенный дисбаланс между мужским и женским населением был характерен для титульных этносов и в 1939 г., которые в белорусских областях БРУП¹¹ составляли 88,9–92,2 % всех жителей сельской местности, 98,0–99,0 % – в российских¹² и 84,0–94,5 % – в украинских¹³. В составе сельского населения, как видно из табл. 1, абсолютная численность женщин титульных этносов была достаточно значительной. В результате разница между долями мужчин и женщин достигала от 5,6 % в Полесской области до 10,6 % в Киевской (см. табл. 1).

Из табл. 1 видно, что существовала определенная региональная специфика дисбаланса между мужским и женским населением в БРУП. У белорусов он был несколько меньшим, чем у русских и украинцев. Попытки объяснить гендерный дисбаланс у титульных этносов только советской репрессивной и голодной коллективизацией, особенно для конкретного региона, не совсем корректны. На наш взгляд, необходимо учитывать целый ряд совокупных факторов, о которых сказано выше, но это тема отдельного исследования.

И в конце 1930-х гг. экономика региона в целом оставалась преимущественно аграрной, а не индустриальной, так как в сельском и лесном хозяйстве (с учетом крестьян-единоличников, а также лиц, занятых домашним подсобным сельским хозяйством в городе и на селе) трудилось абсолютное большинство всего занятого населения. Низкий уровень развития промышленности был связан с тем, что БРУП и в целом БССР входили в широкую пограничную полосу СССР, в которой по «стратегическим соображениям» промышленность не развивалась. Сохранялась аграрная перенаселенность. Это обуслови-

⁴РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 376. Л. 1 ; Д. 379. Л. 1 ; Д. 380. Л. 1 ; Д. 317. Л. 1 ; Д. 325. Л. 3 ; Д. 358. Л. 1 ; Д. 361. Л. 1 ; Д. 373. Л. 1 ; Д. 375. Л. 1.

⁵Там же. Д. 375. Л. 1 ; Д. 376. Л. 1 ; Д. 379. Л. 1 ; Д. 380. Л. 1 ; Д. 317. Л. 1 ; Д. 325. Л. 3 ; Д. 358. Л. 1 ; Д. 361. Л. 1 ; Д. 373. Л. 1.

⁶Всесоюзная перепись населения 1926 г. Т. 10. Белорусская Советская Социалистическая Республика. Народность. Родной язык. Возраст. Грамотность. М. : ЦСУ Союза ССР, 1928. С. 12.

⁷Всесоюзная перепись населения 1926 г. Т. 2. Западный район. Центрально-Промышленный район. Народность. Родной язык. Возраст. Грамотность. М. : ЦСУ Союза ССР, 1928. С. 10.

⁸Всесоюзный перепис людності 1926 р. Т. 11. УСРР. Підсумкі по республіці. Полісся. Відділ 1. Національність. Рідна мова. Вік. Письменність. М. : ЦСУ СРСР, 1929. С. 75.

⁹Всесоюзная перепись населения 1926 г. Т. 12. Украинская Социалистическая Советская Республика. Правобережный подрайон. Левобережный подрайон. Народность. Родной язык. Возраст. Грамотность. М. : ЦСУ Союза ССР, 1928. С. 12.

¹⁰Подсчитано по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 547. Л. 1 ; Д. 548. Л. 1 ; Д. 551. Л. 1 ; Д. 552. Л. 1 ; Д. 489. Л. 1 ; Д. 497. Л. 1 ; Д. 530. Л. 1 ; Д. 533. Л. 3 ; Д. 545. Л. 1.

¹¹РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 913. Л. 25, 36, 69, 80, 179, 190, 223, 234.

¹²Там же. Д. 908. Л. 11, 16, 249, 257.

¹³Там же. Д. 914. Л. 98, 109 ; Д. 915. Л. 314, 326 ; Д. 916. Л. 146, 158.

ло абсолютное преобладание сельского населения в регионе. Крупные новостройки и освоение угольных месторождений были за пределами БРУП, куда мужское население российской и украинской его составляющих мигрировало в большей степени, чем из БССР. Например, из украинского пограничья отток сельских жителей происходил в области с быстроразвивающимися индустриальными от-

раслями. Это привело к тому, что в данных областях УССР городское население выросло в 3–4 раза по сравнению с 1926 г. и составило в 1939 г. более половины населения. В Ворошиловградской области этот показатель достиг 65,7 %, в Днепропетровской – 53,0 %, в Сталинской – 78,1 %, в Харьковской – 52,7 %. В промышленности УССР трудилось 19,2 % занятого населения¹⁴.

Таблица 1

Титульные этносы в составе сельского населения БРУП в 1939 г.

Table 1

Titular ethnic groups in the Belarusian-Russian-Ukrainian borderland rural population in 1939

Области БРУП	Всего		Мужчины		Женщины		Разница между долями мужского и женского населения, %
	Абсолютная величина, чел.	Удельный вес, %	Абсолютная величина, чел.	Удельный вес, %	Абсолютная величина, чел.	Удельный вес, %	
Витебская	855 813	91,3	400 285	46,8	455 528	53,2	6,4
Гомельская	600 679	91,7	279 431	46,5	321 248	53,5	7,0
Могилёвская	999 890	92,2	463 625	46,4	536 265	53,6	7,2
Полесская	530 642	88,9	250 579	47,2	280 063	52,8	5,6
Орловская	2 805 338	98,9	1 279 424	45,6	1 525 914	54,4	8,8
Смоленская	2 196 427	98,1	997 592	47,6	1 198 835	57,2	9,6
Житомирская	1 131 880	84,2	523 679	46,3	608 201	53,7	7,4
Киевская	2 180 277	94,0	973 960	44,7	1 206 317	55,3	10,6
Черниговская	1 417 883	94,5	649 526	45,8	768 357	54,2	8,4

Примечание. Составлено по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 913. Л. 25, 36, 69, 80, 179, 190, 223, 234 ; Д. 908. Л. 11, 16, 249, 257 ; Д. 914. Л. 98, 109 ; Д. 915. Л. 314, 326 ; Д. 916. Л. 146, 158.

В то же время из всего занятого в отраслях народного хозяйства населения БССР в аграрном секторе экономики работало 61,8 %, а в промышленности – только 11,5 %¹⁵. Это подтверждают данные распределения сельского населения по отраслям народного хозяйства, представленные в табл. 2. Из нее видно, что были определенные различия в показателях всего занятого сельского населения БРУП. Нами установлена белорусская специфика распределения сельских жителей по отраслям. Несколько меньшие показатели занятых в сельском хозяйстве в белорусских областях обусловлены более высокой долей (в 1,5–2,0 раза) лиц, не распределенных по отраслям (см. табл. 2). Это мужчины – военнослужащие частей РККА, которые дислоцировались в сельской местности. Концентрация военных в Белорусском особом военном округе была самой высокой в БРУП (подробнее см.: [13]). Достаточно высокая концентрация военных от-

мечалась и в Житомирской области. В Полесской, Гомельской, Могилёвской и Витебской областях мужчин, учтенных переписью и распределенных по занятиям в сельской местности, было больше, чем женщин, на 10–31 тыс., а в Житомирской – на 9,3 тыс. Тогда как в Смоленской, Орловской, Киевской и Черниговской областях (в порядке убывания) – на 59,0–15,4 тыс. меньше¹⁶. Повлияла на показатели, представленные в табл. 2, и более высокая занятость сельского населения в промышленности, строительстве, на транспорте, в лесном хозяйстве. Прежде всего это видно из данных по белорусским областям и Житомирской области.

В условиях традиционного аграрного общества жили практически все титульные этносы БРУП. Они составляли не только абсолютное большинство жителей села, но и максимальное количество занятых в сельском хозяйстве (прежде всего женщин). Так, из всех белорусов – жителей села,

¹⁴РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 256. Л. 2.

¹⁵Там же. Д. 257. Л. 26.

¹⁶Там же. Д. 375. Л. 47 ; Д. 376. Л. 45 ; Д. 379. Л. 50 ; Д. 380. Л. 42 ; Д. 317. Л. 45 ; Д. 325. Л. 47 ; Д. 358. Л. 48 ; Д. 361. Л. 51 ; Д. 373. Л. 44.

распределенных по отраслям экономики, в сельском хозяйстве в Гомельской области было занято 73,4 % мужчин и 92,3 % женщин¹⁷, среди русских в Орловской – 74,6 и 90,7 %¹⁸ соответственно, из числа украинцев в Черниговской – 78,7 и 91,2 %¹⁹. Среди жителей села, непосредственно работавших в сельском хозяйстве, в Витебской области белорусы составляли 95,5 %, в Гомельской – 96,4 %, в Могилёвской – 96,1 %, в Полесской – 93,5 %. В Житомирской области в этой отрасли трудилось 89,8 % украинцев, в Киевской – 98,7 %, в Черниговской – 99,2 %²⁰. В соседних российских областях практически 100 % тружеников села состав-

ляли русские, поэтому в документах для них нет данных о национальном составе занятых в отраслях экономики.

Сфера деятельности сельского населения, не связанная с сельским хозяйством, расширялась медленно. Это такие отрасли, как транспорт и связь, торговля, общественное питание, просвещение, культура, здравоохранение, которые (особенно последняя отрасль) были еще недостаточно развиты в сельской местности. Врачей на селе в БРУП было в 5–6 раз меньше, чем в городе. Только на **10 000 жителей села** (выделено нами. – М. С.) приходился 1 врач и 5–6 фельдшеров и акушеров²¹.

Таблица 2

Распределение сельского населения БРУП по отраслям народного хозяйства в 1939 г., чел.

Table 2

Belarusian-Russian-Ukrainian borderland rural population by sectors of national economy in 1939, people

Области БРУП	Промышленность	Сельское хозяйство	Лесное хозяйство	Строительство	Транспорт и связь	Торговля и общепит	Жилищно-коммунальное хозяйство	Просвещение, наука, искусство, печать	Здравоохранение	Госучреждения, партийные и общественные организации	Не распределено по отраслям экономики	Всего
Витебская	24724 (5,2)	359943 (76,4)	6514 (1,4)	12593 (2,7)	9792 (2,1)	6781 (1,4)	934 (0,2)	10104 (2,1)	3170 (0,7)	4101 (0,9)	32352 (6,9)	471008 (100,0)
Гомельская	18143 (5,6)	248839 (76,6)	3201 (1,0)	9391 (2,9)	7867 (2,4)	3638 (1,1)	533 (0,2)	6378 (2,0)	1719 (0,5)	2444 (0,8)	22509 (6,9)	324662 (100,0)
Могилёвская	19930 (3,7)	430572 (80,3)	9282 (1,7)	8964 (1,7)	7544 (1,4)	5046 (0,9)	618 (0,1)	10614 (2,0)	2205 (0,4)	3649 (0,7)	37959 (7,1)	536383 (100,0)
Полесская	9553 (3,1)	246678 (79,5)	8261 (2,7)	6316 (2,0)	4347 (1,4)	3699 (1,2)	444 (0,1)	5713 (1,8)	1199 (0,4)	2610 (0,8)	21680 (7,0)	310500 (100,0)
Орловская	70740 (5,5)	1059678 (82,1)	16493 (1,3)	14454 (1,1)	23883 (1,8)	19259 (1,5)	1752 (0,1)	27424 (2,1)	6194 (0,5)	13819 (1,1)	37708 (2,9)	1291404 (100,0)
Смоленская	58203 (5,4)	871654 (80,0)	14525 (1,3)	28472 (2,6)	19779 (1,8)	19332 (1,8)	2305 (0,2)	25127 (2,3)	6006 (0,6)	12348 (1,1)	32023 (2,9)	1089774 (100,0)
Житомирская	29570 (4,5)	509097 (76,8)	15021 (2,3)	18174 (2,7)	11295 (1,7)	11638 (1,7)	1607 (0,2)	15025 (2,3)	3743 (0,6)	9077 (1,4)	38331 (5,8)	662578 (100,0)
Киевская	72742 (6,3)	918419 (79,4)	12104 (1,0)	15109 (1,3)	24891 (2,1)	21534 (1,9)	2244 (0,2)	26315 (2,3)	7894 (0,7)	14569 (1,3)	40332 (3,5)	1156153 (100,0)
Черниговская	28251 (3,7)	639284 (83,3)	6210 (0,8)	7486 (1,0)	14677 (1,9)	11476 (1,5)	1339 (0,2)	15871 (2,1)	4034 (0,5)	8042 (1,0)	31057 (4,0)	767727 (100,0)

Примечания: 1. Составлено по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 375. Л. 47 ; Д. 376. Л. 45 ; Д. 379. Л. 50 ; Д. 380. Л. 42 ; Д. 317. Л. 45 ; Д. 325. Л. 47 ; Д. 358. Л. 48 ; Д. 361. Л. 51 ; Д. 373. Л. 44. 2. В скобках указана доля в процентах.

¹⁷РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 913. Л. 23, 34.

¹⁸Там же. Д. 908. Л. 11, 16.

¹⁹Там же. Д. 916. Л. 146, 157.

²⁰Там же. Д. 357. Л. 39 ; Д. 376. Л. 37 ; Д. 379. Л. 42 ; Д. 380. Л. 34 ; Д. 358. Л. 39 ; Д. 361. Л. 38 ; Д. 373. Л. 35.

²¹Подсчитано по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 257. Л. 1, 28 ; Д. 375. Л. 1, 17 ; Д. 376. Л. 1, 16 ; Д. 379. Л. 1, 18 ; Д. 380. Л. 1, 17 ; Д. 317. Л. 1, 14 ; Д. 325. Л. 3, 17 ; Д. 358. Л. 1, 17 ; Д. 361. Л. 1, 15 ; Д. 373. Л. 1, 15.

В состав занятого сельского населения входили представители основных социальных групп (в документах переписи указаны как «общественные группы»). Они приведены в табл. 3. Мы специально выделили всех занятых трудовой деятельностью жителей села и жителей, отнесенных к сельскохозяйственной отрасли. В дополнение к сведениям табл. 2 в табл. 3 представлен социальный срез сельского населения.

Подсчеты по данным табл. 3 показывают, что абсолютное большинство рабочих, служащих и кооперированных кустарей, а также все некооперированные кустари в своей трудовой деятельности не были связаны с аграрным сектором экономики. Они работали в различных отраслях промышленности, на транспорте, в строительстве, торговле, связи и других сферах. Значительно меньше их трудилось в сельском хозяйстве, где преобладали колхозники и крестьяне-единоличники. Из всех жителей села Гомельской области, отнесенных к сельскохозяйственной отрасли, рабочих было 2,3 %, служащих – 0,4 %, колхозников – 82,3 %, крестьян-единоличников – 15,0 %. Примерно такую же долю составляли рабочие и служащие в Орловской и Черниговской областях. Но здесь было больше колхозников – 92,0 и 93,3 % соответственно, и значительно меньше единоличников – 4,3 и 3,6 %. Особенностью являлось то, что, как и во всей БССР, в Гомельской области доля жителей села, занятых в сельском хозяйстве, была меньшей, чем в соседних областях пограничья. Причины значительного преобладания единоличников в белорусской составляющей БРУП и в целом в БССР автором рассмотрены в специальной статье [14]. Непосредственно производством сельскохозяйственной продукции занимались абсолютное большинство колхозников и 95,0–99,0 % крестьян-единоличников.

Расчеты показали, что в полеводстве, животноводстве и огородничестве трудилось меньше сельского населения, чем количество всех отнесенных к сельскохозяйственной отрасли (см. табл. 2). Так, в Витебской области непосредственно занятых в сельском хозяйстве было 326 839 чел., что составляло 90,8 % от всех отнесенных к отрасли «сельское хозяйство» и 69,4 % от всего населения села, занятого в отраслях народного хозяйства. В Гомельской области – 230 849 чел. (92,8 и 71,1 % соответственно), в Могилёвской – 398 977 чел. (92,7 и 74,4 %), в Полесской – 229 855 чел. (93,2 и 74,1 %). В примыкающих российских областях данные оказались следующими: в Орловской области – 951 959 чел. (89,8 и 73,7 %), в Смоленской – 790 362 чел. (90,7 и 72,5 %). Аналогичная картина наблюдалась

и в украинских областях. В Житомирской области сельхоздеятельностью было занято 455 863 чел., что составляло 89,5 и 68,8 % соответственно, в Киевской – 811 681 чел., или 88,4 и 70,2 %, в Черниговской – 581 283 чел., т. е. 90,9 и 75,7 %. Самая высокая доля занятых в сельскохозяйственном производстве была в Могилёвской, Полесской, Орловской, Смоленской и Черниговской областях. Из этих данных также видно, что непроемкой деятельностью среди отнесенных к отрасли «сельское хозяйство» было занято от 6,8 % в Полесской области до 11,6 % в Киевской²². Об этой категории населения будет сказано ниже.

Из материалов распределения сельского населения по общественным группам нами выделены не только социальные группы (страты), но и группы по источникам средств существования. Сведения табл. 4 дают представление, за счет каких средств жило сельское население. Основную группу составляло занятое население, трудовая деятельность которого являлась главным источником средств существования. В белорусских областях БРУП и в Житомирской области имеющих занятия мужчин было больше, чем женщин. В Орловской, Смоленской, Черниговской, а также Киевской областях²³ среди занятого населения преобладали женщины, что связано с их большей долей в составе сельского населения, чем в Житомирской и белорусских областях.

Иждивенцы (в основном это дети, подростки и некоторая часть пожилых людей) по численности были вторыми после имеющих занятия лиц, на иждивении которых они находились. В Орловской области иждивенцев (мужчин и женщин) было даже больше, чем занятого населения. Из всего БРУП здесь отмечалась самая высокая доля сельских семей, состоящих из 7–10 и более человек (15,6 %)²⁴.

Среди имеющих источники средств существования выделены члены семьи. К этой категории отнесены лица, занятые в домашнем подсобном сельском хозяйстве. Абсолютное большинство (95,0–96,0 %) среди них составляли женщины. Впервые нами представлены данные об иждивенцах, пенсионерах, стипендиатах, прочих и нераспределенных (это осужденные и находящиеся под следствием), а также нетрудящихся. Данные о двух последних группах наименее достоверные. Так, в группу нетрудящихся включены «лица свободных профессий», священнослужители, деклассированные элементы и пр. Из списка в «Словаре занятий», который использовался в ходе переписи, они были исключены²⁵. Самое меньшее количество нетрудящихся оказалось в Гомельской области (см. табл. 4).

²²РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 375. Л. 18, 19, 47; Д. 376. Л. 17, 18, 45; Д. 379. Л. 19, 20, 50; Д. 380. Л. 18, 19, 42; Д. 317. Л. 15, 16, 45; Д. 325. Л. 18, 19, 47; Д. 358. Л. 18, 19, 48; Д. 361. Л. 16, 17, 51; Д. 373. Л. 16, 17, 44.

²³Там же. Д. 361. Л. 12; Д. 533. Л. 3, 5.

²⁴Там же. Д. 317. Л. 2.

²⁵Всесоюзная перепись населения 1939 года: основные итоги / под ред. Ю. А. Полякова. М.: Наука, 1992. С. 249, 250.

Таблица 3
Table 3

Социальная структура сельского населения БРУП в 1939 г., чел.

Social structure of the Belarusian-Russian-Ukrainian borderland rural population in 1939, people

Общественные группы	Занятые в сельскохоз-зайственной отрасли			Все занятое сельское население			Занятые в сельскохоззайственной отрасли			Все занятое сельское население			Занятые в сельскохозяйственной отрасли		
	Гомельская область			Орловская область			Орловская область			Черниговская область			Черниговская область		
	Мужчины/женщины	Всего	Мужчины/женщины	Всего	Мужчины/женщины	Всего	Мужчины/женщины	Всего	Мужчины/женщины	Мужчины/женщины	Всего	Мужчины/женщины	Мужчины/женщины	Всего	Мужчины/женщины
Рабочие	37 514 / 9743	47 057	42 95 / 1334	5629	116 027 / 41 266	157 293	27 115 / 6820	33 935	57 536 / 25 900	83 436	12 508 / 4170	16 678			
Служащие	17 871 / 4324	22 195	1001 / 141	1142	58 464 / 20 041	78 505	4871 / 788	5659	32 281 / 10 073	42 354	2462 / 431	2893			
Колхозники	96 020 / 118 235	214 255	86 694 / 118 121	204 815	426 392 / 567 323	993 715	409 689 / 565 317	975 006	268 735 / 337 160	605 895	259 675 / 336 815	596 490			
Кооперированные кустари	1362 / 498	1860	1 / 5	6	3471 / 5857	9328	10 / 11	21	4598 / 2201	6799	51 / 147	198			
Некооперированные кустари	1257 / 390	1647	- / -	-	5364 / 1520	6884	- / -	-	4013 / 1192	5205	- / -	-			
Единоличники	15 664 / 21 984	37 648	15 287 / 21 960	37 247	16 391 / 29 288	45 679	15 866 / 29 191	45 057	9023 / 15 015	24 038	8267 / 14 758	23 025			
Всего	169 488 / 155 174	324 662	107 278 / 141 561	248 839	626 109 / 665 295	1 291 404	457 551 / 602 127	1 059 678	376 186 / 391 541	767 727	282 963 / 356 321	639 284			

Примечание. Составлено по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 548. Л. 3, 5 ; Д. 489. Л. 3, 5 ; Д. 545. Л. 3, 5.

Таблица 4
Table 4

Распределение сельского населения БРУП по источникам средств существования в 1939 г., чел.

Belarusian-Russian-Ukrainian borderland rural population by livelihood in 1939, people

Общественные группы	Витебская область		Гомельская область		Орловская область		Смоленская область		Житомирская область		Черниговская область	
	Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины
Имеющие занятия	251 116	219 892	169 488	155 174	626 109	665 295	515 397	574 377	335 941	326 637	376 186	391 541
Члены семьи	2727	49 284	1467	34 344	5286	139 263	5008	91 820	3354	55 151	6775	82 134
Иждивенцы	196 030	211 285	142 491	148 174	658 539	721 285	494 566	539 228	273 835	307 444	275 492	296 974
Пенсионеры	1092	783	711	470	3839	3012	3314	2887	968	660	1254	904
Стипендиаты	824	562	532	283	1334	872	1326	1001	1352	587	761	561
Прочие и нераспределенные	1243	1139	694	670	6241	7133	3309	3555	5050	4673	4472	4266
Нетрудовые*	40	67	2	5	232	429	163	349	55	76	60	91
Всего	453 072	483 012	315 385	339 120	1 301 580	1 537 289	1 023 083	1 213 217	620 555	695 228	665 000	776 471

Примечания: 1. Составлено по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 375. Л. 14 ; Д. 547. Л. 3, 5 ; Д. 376. Л. 13 ; Д. 548. Л. 3, 5 ; Д. 317. Л. 11 ; Д. 489. Л. 3, 5 ; Д. 325. Л. 14 ; Д. 497. Л. 3, 5 ; Д. 358. Л. 14 ; Д. 530. Л. 3, 5 ; Д. 373. Л. 12 ; Д. 545. Л. 3, 5. 2. * – в документах эта группа названа «нетрудящиеся с семьями».

Сельское население, как и городское, было распределено не только по отраслям народного хозяйства (см. табл. 2), но и по занятиям и общественным группам, которые в свою очередь делились на подгруппы и наиболее значимые профессии. Подсчет показал, что выделено по 30–33 общественные группы в зависимости от развития тех или иных отраслей экономики в областях БРУП. Приведено свыше 200 наименований профессий для занятых в производственных и непроизводственных отраслях²⁶. На основе этих данных нами выполнена классификация сельского населения (только жители села) по общественным группам и отдельным профессиям, если они указаны, с выделением прежде всего занятых в аграрном секторе экономики, так как их было большинство.

Занятия, т. е. то, чем человек профессионально занимался, мы обозначили как профессии и выделили две основные группы трудовой деятельности – специалисты, а также планово-контрольный персонал и работники учета, – которые требовали определенных знаний, умений, навыков и могли быть отнесены к занятым в сельском хозяйстве. Однако в документах не указана их отраслевая принадлежность, хотя непосредственно занятые в сельском хозяйстве выделены в отдельную категорию (группа 3 в табл. 5). Данные по этим профессиональным группам и лицам без специальности представлены в табл. 5, в которой, как и в документах, сведения приведены не в алфавитном порядке.

Очевидным являлось то, что специалистов в сельском хозяйстве явно не хватало, даже если считать, что все специалисты села были заняты в сельском хозяйстве (в документах выделены только счетоводы колхозов). В Гомельской области их количество было меньшим, чем в Орловской и Черниговской, хотя надо учитывать и тот факт, что общая численность сельского населения в белорусских областях БРУП была меньшей по сравнению с российскими и украинскими. Из расчета на 1000 работников, занятых в сельском хозяйстве, в Гомельской области приходилось 3,8 специалистов и 8,6 механизаторов (трактористов, комбайнеров, работников по обслуживанию сельхозмашин и силовых установок), в Орловской области – 4,5 и 14,0 чел. соответственно, в Черниговской – 4,7 и 11,0. И в целом по БССР количество механизаторов было ниже (10 чел. на

1000 работников, занятых в сельском хозяйстве)²⁷, чем в российской и украинской составляющих БРУП, где больше было развито производство зерновых и технических культур, куда в первую очередь и направлялись техника и специалисты. Лица, занятые селекционной работой в животноводстве, огородничестве и производстве зерновых культур, в Гомельской области вообще не было (см. табл. 5). Всего в БССР насчитывалось 57 селекционеров, яровизаторов и заведующих хатами-лабораториями²⁸, т. е. гораздо меньше, чем даже в соседних Орловской или Черниговской областях. В белорусских областях БРУП в разы меньше было планово-контрольного персонала и работников учета, особенно экономистов и бухгалтеров, т. е. специалистов высокой квалификации.

Перепись выявила, что абсолютное большинство занятых в сельском хозяйстве указали в качестве занятия «сельское хозяйство» без обозначения специальности (так в документах). Подсчеты по табл. 5 установили, что в Гомельской области их доля составила 89,9 % от всех занятых в сельском хозяйстве, в Орловской – 87,5 %, в Черниговской – 86,1 %. В БССР эта группа включала 77,8 % мужчин и 94,5 % женщин, а всего 87,9 %²⁹. В белорусских областях данный показатель был самым высоким. В повседневной трудовой деятельности среди этой неквалифицированной категории тружеников села бытовало выражение «куда пошлют». В белорусских областях БРУП в их составе было 80,0–87,0 % колхозников, 12,0–19,0 % середняков и 0,5 % рабочих³⁰, в соседних Смоленской и Черниговской областях – более 94,0 % колхозников, около 5,0 % середняков и 0,7 % рабочих³¹. Помимо профессионального состава, распределения по общественным группам и отраслям, в архивных документах выявлены две группы среди занятого городского и сельского населения. Первая – это «прочие занятия служащих». В эту группу включены: 1) управдомы; 2) кладовщики, приемщики, раздатчики, весовщики; 3) парикмахеры, маникюрши, фотографы; 4) агенты и экспедиторы; 5) пожарные. В Гомельской области среди жителей села таких служащих насчитывалось 3551 чел., из которых 50,0 % составляли кладовщики, 39,3 % – пожарные и 9,6 % – экспедиторы³², в Орловской области – 14 528 чел. (62,2; 24,6 и 10,9 % соответственно)³³, а в Черниговской – 7191 чел. (57,3; 30,2 и 10,8 %)³⁴.

²⁶Подсчитано по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 257. Л. 27–44; Д. 375. Л. 16–25; Д. 376. Л. 15–22; Д. 379. Л. 17–26; Д. 380. Л. 16–22; Д. 317. Л. 13–21; Д. 325. Л. 14–23; Д. 358. Л. 16–25; Д. 361. Л. 14–23; Д. 373. Л. 14–22.

²⁷РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 257. Л. 29, 30.

²⁸Там же. Л. 30.

²⁹Там же. Д. 257. Л. 20, 21.

³⁰Там же. Д. 257. Л. 20.

³¹Там же. Д. 325. Л. 19; Д. 373. Л. 17.

³²Там же. Д. 376. Л. 17.

³³Там же. Д. 317. Л. 15.

³⁴Там же. Д. 373. Л. 16.

Таблица 5

Распределение сельского населения БРУП по профессиональным группам в 1939 г., чел.

Table 5

Belarusian-Russian-Ukrainian borderland rural population by professional groups in 1939, people

Профессии	Гомельская область			Орловская область			Черниговская область		
	Мужчины	Женщины	Всего	Мужчины	Женщины	Всего	Мужчины	Женщины	Всего
Группа 1. Специалисты									
Инженеры	27	2	29	107	3	110	65	1	66
Агрономы	117	33	150	710	181	891	651	140	791
Ветврачи	24	5	29	109	13	122	112	–	112
Землемеры	31	1	32	89	2	91	105	6	111
Техники	170	19	189	447	52	499	276	15	291
Зоотехники	99	28	127	420	107	527	346	108	454
Агротехники	22	1	23	276	56	332	131	22	153
Ветфельдшеры	289	17	306	1647	49	1696	729	28	757
Группа 2. Планово-контрольный персонал и работники учета									
Экономисты	21	4	25	238	46	284	93	6	99
Бухгалтеры	771	90	861	2322	349	2671	1611	146	1757
Счетоводы в колхозах	1148	118	1266	8167	692	8859	3154	233	3387
Прочие счетоводы	291	154	445	2368	955	3323	1593	365	1958
Все счетоводы	1439	272	1711	10 535	1647	12 182	4747	598	5345
Статистики	71	22	93	401	189	590	247	77	324
Кассиры	175	81	256	649	326	975	445	104	549
Группа 3. Занятые в сельском хозяйстве									
Все занятые в сельском хозяйстве	90 321	140 528	230 849	358 046	593 913	951 959	228 244	353 039	581 283
Заведующие фермами	1009	137	1146	2365	496	2861	1571	135	1706
Бригадиры тракторных, полеводческих, животноводческих бригад и пр.	4173	134	4307	19 950	788	20 738	7988	197	8185
Звеньевые	5	38	43	133	4288	4421	1125	17 946	19 071
Селекционеры (включая заведующих хатами-лабораториями)	–	–	–	133	7	140	286	7	293
Трактористы	1658	160	1818	11 285	816	12 101	4973	273	5246
Комбайнеры	82	23	105	1015	114	1129	451	26	477
Работники по обслуживанию сельхозмашин и силовых установок	72	1	73	476	8	484	778	125	903
Скотники (включая доярок и конюхов)	8400	4756	13 156	44 514	16 944	61 458	28 188	6939	35 127
Огородники	191	49	240	1015	283	1298	735	349	1084
Пастухи, чабаны	2091	119	2210	8975	677	9652	3836	259	4095
Лица без специальности	72 507 (80,3)	135 053 (96,1)	207 560 (89,9)	264 263 (73,8)	569 082 (95,8)	833 345 (87,5)	173 687 (76,1)	326 637 (92,5)	500 324 (86,1)

Примечания: 1. Составлено по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 376. Л. 15–18 ; Д. 317. Л. 13–16 ; Д. 373. Л. 14–17. 2. В документах специалисты объединены в группу «технический персонал». 3. В скобках указана доля в процентах.

Вторая группа – это «прочие занятия рабочих». Сюда отнесены браковщики, сортировщики, фасовщики, упаковщики, смазчики, мойщики, подносчики, прачки, вахтеры, сторожа, дворники, уборщицы помещений, истопники, курьеры, домработницы и др. (порядок перечисления сохранен по документам). В Гомельской области таких рабочих оказалось 11 324 чел., но абсолютное большинство среди них составляли вахтеры и сторожа – 65,6 %, уборщицы – 14,4 %, подносчики – 4,1 %, сортировщики – 3,3 %, домработницы – 3,0 %) ³⁵. В Орловской области из 50 015 таких рабочих на долю вахтеров и сторожей приходилось 72,6 %, уборщиц – 10,5 %, домработниц – 4,2 % ³⁶. В Черниговской области в эту группу входили 25 167 чел. (58,3; 17,4 и 10,3 % соответственно) ³⁷. Как видим, вахтеры, сторожа и уборщицы составляли до 80 % таких рабочих на селе. Эта же категория рабочих в составе городского населения была в 1,5–2,0 раза меньше из-за значительно большего количества (в 3–4 раза) сторожей на селе. Отнесение лиц этого рода занятий к категории рабочих искусственно увеличивала численность рабочего класса, особенно среди жителей села. Большинство из групп «прочие служащие» и «прочие рабочие», на наш взгляд, являлись обслуживающим персоналом, за исключением пожарных. За счет этих категорий было искусственно увеличено количество рабочих и служащих в составе населения.

Социально-профессиональный облик сельского населения БРУП в этнокультурном и демографическом измерении требует более комплексного специального исследования. В национальном разрезе выявлены данные только по белорусам и украин-

цам по всему занятому населению, без разделения на городское и сельское. О социально-профессиональной структуре русских в соседних российских областях данные в документах отсутствуют, поскольку они составляли абсолютное большинство населения, о чем сказано выше. Нами установлено, что доля белорусов среди руководящего состава в Гомельской области достигала 56,7 %, а украинцев в Черниговской – 79,8 %, среди агрономов – 67,7 и 92,0 % соответственно, среди инженеров – 32,0 и 61,8 %, среди техников – 54,0 и 76,9 %, среди врачей – 30,3 и 59,6 %, среди медсестер – 59,1 и 83,0 %, среди культпросветработников – 71,8 и 90,4 %, среди учителей – 76,3 и 82,3 %, среди библиотекарей – 38,5 и 84,6 %, среди работников торговли – 42,1 и 75,2 %, среди бухгалтеров – 54,0 и 76,0 %, среди экономистов – 40,0 и 66,8 %, среди работников делопроизводства – 55,5 и 79,5 %, а среди работников сельского хозяйства – 96,4 и 99,2 % ³⁸. Сопоставление этих значений позволяет считать, что более низкая доля белорусов в указанных профессиях объясняется меньшим уровнем грамотности и образования, чем у русских и украинцев (подробнее см. [12]).

В табл. 6 приведены сведения о лицах, занимавших руководящие должности. В документах переписи в данных о распределении населения по занятиям выделены только эти категории руководителей. Они указаны в обобщенной группе «руководители партийных организаций, государственных, кооперативных и общественных учреждений и предприятий». Всего в ней выделено 14 подгрупп, которые и представлены в табл. 6 на примере трех областей БРУП.

Таблица 6

Руководители в составе занятого сельского населения БРУП в 1939 г.

Table 6

Managers in the Belarusian-Russian-Ukrainian borderland rural population in 1939

№ п/п	Руководители партийных организаций, государственных, кооперативных и общественных учреждений и предприятий	Гомельская область		Орловская область		Черниговская область	
		Всего, чел.	Доля женщин, %	Всего, чел.	Доля женщин, %	Всего, чел.	Доля женщин, %
1	Руководители общесоюзных, республиканских, областных организаций	15	6,70	21	–	5	–
2	Руководители районных и городских организаций	207	7,20	1274	9,6	785	8,4
3	Руководители первичных партийных и общественных, советских, профсоюзных и комсомольских организаций	161	5,00	731	4,8	526	1,9
4	Председатели и зампреды сельсоветов	269	4,10	1290	5,7	770	5,6
5	Судьи и прокуроры	8	0,00	99	8,1	32	12,9
6	Руководители учебных заведений (без начальных школ), НИУ, театров, кино	186	4,30	746	6,7	493	2,4

³⁵РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 376. Л. 22.

³⁶Там же. Д. 317. Л. 21, 22.

³⁷Там же. Д. 373. Л. 22.

³⁸Там же. Д. 376. Л. 35–37 ; Д. 373. Л. 33–35.

Окончание табл. 6
Ending table 6

№ п/п	Руководители партийных организаций, государственных, кооперативных и общественных учреждений и предприятий	Гомельская область		Орловская область		Черниговская область	
		Всего, чел.	Доля женщин, %	Всего, чел.	Доля женщин, %	Всего, чел.	Доля женщин, %
7	Руководители медицинских учреждений	25	28,00	102	4,1	93	34,4
8	Руководители предприятий лесного хозяйства, связи, а также сельскохозяйственных, промышленных, строительных, транспортных, коммунальных предприятий	348	3,20	1926	8,7	921	6,1
9	Руководители отделений и ферм совхозов, цехов, пролетов, мастерских промышленных предприятий, отделений транспортных предприятий	96	13,50	496	9,9	235	5,5
10	Капитаны судов	28	–	–	–	38	–
11	Председатели и зампреды колхозов	1191	0,08	7688	1,5	2061	0,4
12	Председатели и зампреды промартелей	48	–	130	2,8	98	5,1
13	Директора и заведующие магазинов	256	10,90	2243	13,4	319	9,4
14	Директора и заведующие предприятиями общепита	40	12,50	208	32,2	68	22,1

Примечание. Составлено по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 376. Л. 15 ; Д. 317. Л. 13 ; Д. 373. Л. 14.

Руководители партийных, общественных, советских, профсоюзных и комсомольских органов и организаций разного уровня (подгруппы 1–5 в табл. 6) составляли всего лишь 0,2 % занятого сельского населения Гомельской области, а в Орловской и Черниговской областях – по 0,3 %. Что касается численности руководства производственных и непроизводственных организаций и учреждений (подгруппы 6–14), то его доля также была небольшой – 0,7; 1,0 и 0,6 % соответственно³⁹. Деятельность всех этих управленцев была направлена на решение экономических, социальных и культурных задач на селе. Квалифицированных и высокообразованных руководителей, скорее, не хватало, чем было в избытке. Функциональные обязанности многих служащих села не следует относить к руководящему аппарату, а значит, необходимо отказаться от стереотипа засилья или многочисленности бюрократического аппарата.

Даже такой краткий анализ приведенных выше данных позволяет сделать следующие выводы. Сельское население абсолютно преобладало в регионе. Положительная динамика численности сельского населения отмечалась только в Могилёвской, Гомельской и Полесской областях. Гендерный дисбаланс нарастал. Наблюдалась общая тенденция уменьшения количества мужчин среди сельских жителей. Доля женщин в составе сельского населения значительно увеличилась в российских и украинских областях, чем в белорусских. Это объясняется тем, что отрицательные демографические процессы и миграция мужчин затронули белорусскую территорию БРУП в меньшей степени.

Надо учитывать и наличие большого контингента воинских частей РККА, которые дислоцировались в сельской местности белорусских областей. Поэтому доля женщин в составе сельского населения БССР оказалась меньшей.

В белорусских областях БРУП среди всех имеющих занятия было больше мужчин, чем женщин. Основная масса населения была занята в аграрном секторе экономики. В составе сельского населения БРУП абсолютно преобладали колхозники и крестьяне-единоличники. Доля рабочих и служащих в регионе являлась одинаковой, но была искусственно увеличена за счет лиц, учтенных переписью как «прочие занятия» рабочих и служащих. Особенность заключается в том, что в белорусских областях было меньше колхозников и больше единоличников. Иждивенцы составляли примерно половину сельского населения. Основой существования большинства жителей села (включая почти 90 % женщин) выступала трудовая деятельность в сельском хозяйстве, где преобладал тяжелый, малоквалифицированный ручной труд. Служащих, высококвалифицированных специалистов, механизаторов было крайне мало. Нехватка врачей на селе обуславливала низкий уровень медицинского обслуживания. Численность управленческого аппарата была небольшой. Отмечая положительные тенденции, на наш взгляд, говорить о широкомасштабной и сплошной модернизации отраслей аграрного сектора экономики БРУП (и прежде всего его белорусской части) нет оснований. Модернизационные процессы способствовали увеличению числа специалистов, работников сферы

³⁹РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 376. Л. 15, 45 ; Д. 317. Л. 13, 45 ; Д. 373. Л. 14, 44.

услуг, появлению новых профессий, связанных с обслуживанием техники и механизмов, планово-учетной и селекционной работой и другими видами деятельности. Доля работников обозначенных профессий в белорусских областях была ниже по сравнению с российскими и украинскими. Это свидетельствует о том, что модернизационные процессы в сельском хозяйстве на белорусской территории проходили медленнее, чем в соседних областях БРУП.

Разный уровень развития экономики областей пограничья повлиял на социально-профессиональную структуру всего занятого сельского населения, среди которого преобладали колхозники.

На втором месте находились рабочие. На третьем месте в белорусских областях были единоличники, а в российских и украинских – служащие. В условиях форсированной советской модернизации к концу 1930-х гг. процесс коренных изменений в социально-профессиональной структуре села только зарождался, но был прерван начавшейся Второй мировой войной. Состав сельского населения БРУП отражал степень социально-экономического и культурного развития региона и прежде всего БССР, что свидетельствовало об аграрном характере ее экономики и подтверждалось социально-профессиональным обликом сельского населения.

Библиографические ссылки

1. Иванов РФ, редактор. *Регионы и регионализм в странах Запада и России*. Москва: Институт всеобщей истории РАН; 2001. 260 с.
2. Ходзін СМ. *Беларуская вёска ў міжваенны час: шляхі і формы савецкай мадэрнізацыі (1921–1939)*. Мінск: БДУ; 2014. 240 с.
3. Смолий ВА, редактор. *Історія українського селянства. Том 2*. Київ: Наукова думка; 2006. 656 с.
4. Кравченко Б. *Соціальні зміни і національна свідомість в Україні ХХ ст.* Івашко В, Корнієнко В, перекладачі. Київ: Основи; 1997. 423 с.
5. Романцов ВО. *Населення України і його рідна мова за часів радянської влади та незалежності (ХХ – початок ХХІ століття)*. Київ: Видавництво імені Олени Теліги; 2000. 184 с.
6. Жиромская ВБ. *Демографическая история России в 1930-е гг. Взгляд в неизвестное*. Москва: РОССПЭН; 2001. 280 с.
7. Ястребицкая АЛ, Блок М. Апология сравнительной истории европейских обществ (реферат). В: Ястребицкая АЛ, редактор. *XX век: методологические проблемы исторического познания. Часть 2*. Москва: РАН ИНИОН; 2001. с. 14–29.
8. Барг МА, Черняк ЕБ. Регион как категория внутренней типологизации классово-антагонистических формаций. В: Жуков ВМ, редактор. *Проблемы социально-экономических формаций. (Историко-типологические исследования)*. Москва: Наука; 1975. с. 39–49.
9. Ковальченко ИД, Бородин ЛИ. Аграрная типология губерний Европейской России на рубеже XIX–XX веков (опыт многомерного количественного анализа). *История СССР*. 1979;1:59–95.
10. Бородин ЛИ. *Многомерный статистический анализ в исторических исследованиях*. Москва: Издательство МГУ; 1986. 188 с.
11. Кока Ю. Современные тенденции и актуальные проблемы исторической науки в мире. *Новая и новейшая история*. 2003;3:17–20.
12. Старовойтаў МІ. Узровень пісьменнасці і адукаванасці ўсходнеславянскага насельніцтва беларуска-расійска-ўкраінскага памежжа (1920–1930-я гг.). *Беларускі гістарычны часопіс*. 2009;10:49–56.
13. Старовойтов МИ. Национальный и социальный состав военнослужащих Белорусского военного округа накануне Второй мировой войны. *Идеологические аспекты военной безопасности*. 2018;1:8–15.
14. Старовойтов МИ. Кустари и крестьяне-единоличники БРУП в конце 1930-х годов (социокультурный аспект). *Известия Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины*. 2011;5:112–121.

References

1. Ivanov RF, editor. *Regiony i regionalizm v stranakh Zapada i Rossii* [Regions and regionalism in the countries of the West and Russia]. Moscow: Institute of General History of the Russian Academy of Science; 2001. 260 p. Russian.
2. Khodzin SM. *Belaruskaja vjoska w mizhvaenny chas: shljahi i formy saveckaj madjernizacyi (1921–1939)* [Belarusian village in the interwar period: ways and forms of Soviet modernization (1921–1939)]. Minsk: Belarusian State University; 2014. 240 p. Belarusian.
3. Smolij VA, editor. *Istoriia ukrai'ns'kogo seljanstva. Tom 2* [History of the Ukrainian peasantry. Volume 2]. Kyiv: Naukova dumka; 2006. 656 p. Ukrainian.
4. Krawchenko B. *Social change and national consciousness in twentieth-century Ukraine*. London: Macmillan Press Ltd; 1985. XVI + 268 p.
Ukrainian edition: Kravchenko B. *Social'ni zminy i nacional'na svidomist' v Ukraini XX st.* Ivashko V, Kornijenko V, translators. Kyiv: Osnovy; 1997. 423 p.
5. Romantsov VO. *Naselennja Ukrai'ny i jogo ridna mova za chasiv radjans'koi vlady ta nezalezhnosti (XX – pochatok XXI stolittja)* [The population of Ukraine and its native language during the period of radyanskoj power and independence (20th – early 21st century)]. Kyiv: Olena Teliga publishing house; 2000. 184 p. Ukrainian.
6. Zhiromskaya VB. *Demograficheskaya istoriya Rossii v 1930-e gg. Vzglyad v neizvestnoe* [Demographic history of Russia in the 1930s. A look into the unknown]. Moscow: ROSSPEN; 2001. 280 p. Russian.

7. Yastrebitskaya AL, Blok M. [Apology of comparative history of European societies (abstract)]. In: Yastrebitskaya AL, editor. *XX vek: metodologicheskie problemy istoricheskogo poznaniya. Chast' 2* [20th century: methodological problems of historical knowledge. Part 2]. Moscow: Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences; 2001. p. 14–29. Russian.
8. Barg MA, Chernyak YB. [Region as a category of internal typologization of class-antagonistic formations]. In: Zhukov VM, editor. *Problemy sotsial'no-ekonomicheskikh formatsii. (Istoriko-tipologicheskie issledovaniya)* [Problems of socio-economic formations. (Historical and typological research)]. Moscow: Nauka; 1975. p. 39–49. Russian.
9. Koval'chenko ID, Borodkin LI. [Agrarian typology of the provinces of European Russia at the turn of the 19th–20th centuries (experience of multidimensional quantitative analysis)]. *Istoriya SSSR*. 1979;1:59–95. Russian.
10. Borodkin LI. *Mnogomernyi statisticheskii analiz v istoricheskikh issledovaniyakh* [Multidimensional statistical analysis in historical research]. Moscow: Publishing House of the Moscow State University; 1986. 188 p. Russian.
11. Koka Yu. [Current trends and current problems of historical science in the world]. *Novaya i noveishaya istoriya*. 2003;3:17–20. Russian.
12. Starovoitov MI. [The level of literacy and education of the East Slavic population of the Belarusian-Russian-Ukrainian border area (1920s–1930s)]. *Belaruski gistorychny chasopis*. 2009;10:49–56. Belarusian.
13. Starovoitov MI. [National and social composition of the military personnel of the Belarusian military district on the eve of the Second World War]. *Ideologicheskie aspekty voennoi bezopasnosti*. 2018;1:8–15. Russian.
14. Starovoitov MI. Handicraftsmen and self-employed farmers of Byelorussian-Russian-Ukrainian Frontier in the end 1930s (sociocultural aspect). *Izvestiya Gomel'skogo gosudarstvennogo universiteta imeni F. Skoriny*. 2011;5:112–121. Russian.

Статья поступила в редколлегию 05.11.2019.
Received by editorial board 05.11.2019.